

Посвящается Виктору Артамонову и написано по его личной просьбе ко Дню рождения вышеназванного.

ЛЫЖИ.

В жизни все мельчает. Живой, колоритный пример тому являют собой обычные горные лыжи. Те самые, которые теперь штабелями продаются на каждом углу. Куда ни плюнь – попадешь в горные лыжи! А было ведь совсем иначе!

Слаломные лыжи в годы зрелой юности автора, любезный читатель, являли собой предмет далеко не первой жизненной необходимости, но автору во что бы то ни стало хотелось их иметь. Простое обладание этими лыжами олицетворяло собой принадлежность их владельца к совершенно иному, особому классу людей, обитающему в своем, совершенно возвышенном мире, нечто сродни классу сегодняшних владельцев ломбарджини, которые и живут, вроде, среди нас, но в то же время в каком то своем параллельном содружестве.

Темой разговоров при встрече обладателей слаломных лыж являлись только эти самые престижные неодоушевленные предметы и целое море загадочных тогда для автора полубожественных понятий : маркер, ботас, домбай, фишер, альпина и пр. – одним своим звуком опускавшие тогда тебя до уровня сегодняшнего владельца “Запорожца”, кстати тог- дашней недостижимой мечте почти каждого гражданина почившего в Бозе государства. Государства, в магазинах которого ничего из вышеобозначенного столь сказочными словами не продавалось даже из под полы.

Ранними воскресными утрами редкие обладатели предмета нашей беседы жидкими группками стекались к вокзалу, откуда их увозили куда-то несколько специализированных заказных автобусов.

То, как они гордо перемещались по улицам, солидно держа лыжи на плече по-особому, носками лыж вперед и вниз и неся обе палки скрепленными в одной руке, постукивая ими по асфальту, невольно привлекало к себе внимание автора – человека настолько далекого от лыж вообще, что даже трудно себе такое представить. Достаточно сказать, что и на обычных лыжах он стоял один или два раза в своей жизни и никаких сладостных ассоциаций эти разы в нем не вызывали. Помнилось, что было неудобно и скользко на этих противных деревяшках, только мешавших продвигаться по прекрасному, заснеженному лесу зимнего пионерского лагеря в Цесисе среди подтрунивающих над тобой товарищей и, что хуже всего, еще и подруг, подруг твоих вечерних первых танцев.

Однако, вернемся от этого лирического отступления в прекрасный мир не обыкновенных, а именно горных лыж. Итак, всем хотелось быть престижными, и покатился повальный бум этого новомодного воскресного занятия, а некоторые, особо азартные почитатели пока еще неизведанных автором ощущений, уезжали даже на пару недель куда-то на юг, где, якобы, и был настоящий, истинный рай этого элитного мира.

Самый край горнолыжного бума зацепил и автора сего повествования. Краем этого бума был товарищ по детскому саду, чей покойный дедушка научил пятилетнего тогда автора вырезать свистки из молодых веток ивы и память об этих свистках соединяла молодых людей долгие годы теплыми, дружескими отношениями. Так вот, именно внук умельца по ивовым свистулькам

окончательно и подтолкнул автора своим живым примером и восторженными, почти охотничьими рассказами к столь вожделенному обладанию горными лыжами со всеми вытекающими из этого поступка последствиями.

Пластмассовые, ярко-красные сверху, бледно-желтые, цвета лошадиного копыта и так же подкованные железяками снизу, дивные лыжи были уступлены автору его тогдашним однокурсником, у которого горнолыжный экстаз прошел достаточно быстро, ибо крепления к лыжам так и не были привинчены и вместе с палками находились в безвестном отсутствии.

Как выяснилось позднее, лыжи служили ему таким небрежным предметом интерьера гостинной и кроме потребности в регулярном обезпылевании никаких хлопот владельцу не доставляли, зато полностью приобщили его к элитному миру горнолыжников и позволяли постоянно вести светские беседы на животрепещущие темы о преимуществах тех или иных конструкций креплений, о погодных условиях сезона на каких-то, никому толком не известных, склонах Чегета, а то и вообще какого-нибудь дикого Кольского полуострова.

Только теперь, злобно выглядывая из под тяжести своих собственных лет, следующий владелец тех слаломных лыж понимает, что тогда, в те далекие времена надо было точно и целенаправленно следовать курсом, проложенным предыдущим хозяином, а именно – поставить их в красный угол и успокоиться на достигнутом. Там бы они тихо и дремали по сей зимний день. Но вновьпримкнувший пошел другим путем...

Если вы, любезный читатель, ожидаете услышать в продолжение о покорении горных заснеженных склонов, то совершенно напрасно – об этом написано море книг. Но вовсе не поэтому мы не станем затрагивать эту тему, а в силу совершенно других причин...

Итак, были закуплены лыжи, вслед за ними обрели свой покой у нового владельца и специальные лыжные ботинки, уже сменившие на своем веку нескольких хозяев. В те годы эти уникалы горнолыжного снаряжения изготавливали, видимо, из кожи животных, проживавших на свинцовых рудниках или вблизи них и питавшихся исключительно свинцом, так как оторвать от земли эти изделия можно было только двумя руками. Ногами же, обутыми в них, нетринированная особь, коей являлся вставший на тропу горнолыжной войны автор сего повествования, вообще не мог их перемещать в пространстве. Поэтому был закуплен рюкзак для переноски столь неудобных и, в общем-то, ненужных предметов до спецавтобуса, увозившего теперь уже полноправного горнолыжника в места обетованные.

До места посадки в автобус автор теперь добирался, элегантно постукивая по асфальту скрепленными вместе легчайшими металлическими палками, напоминая собой истинного горнолыжника.

Однако, процесс покорения заснеженных склонов в неподъемных ботинках, не говоря уже о неповоротливых и скользких лыжах, был ему чужд и неприятен. Тем не менее, решение проблемы было найдено удивительным и вовсе несложным путем. В довесок ко всему горнолыжному снаряжению был заранее приобретен отличный армейский овчиный тулуп, белоснежный как непокоренные спуски Гайзинькалнса, и два чудных сыромятных ремешка, узеньких, но очень прочных.

Ремешки были продеты через специальные отверстия непонятного назначения на отогнутых концах лыж и не давали последним скатиться вниз без ведома хозяина, ибо второй конец кожаной привязи любовно обматывался вокруг застывшего ствола стоящей у самого склона березки.

Сам же хозяин ремешков в тяжелых ботинках фирмы "Ботас" и овчинном тулупе с поднятым воротником гордо топтался неподалеку, поджаривая на небольшом костерке копченую колбаску и подливая водочку любому из друзей, радостно разделявших с ним столь достойное времяпрепровождение.

Солнышко приветливо светило всем вне зависимости от того, мчался ли ты восторженно вниз по сверкающему от наледи склону, что-то безумно вопя, или, тихо матерясь на отсутствие неизобретенных тогда еще у нас подъемников, поднимался "лесенкой" весь в мыле наверх, чтобы там решить - а стоит ли еще раз катиться вниз после столь тяжелых трудов или лучше тяпнуть водочки. Радовало оно и автора, совершенно уютно себя ощущавшего в его предвесеннем море света, без этих христианиевых спусков и тяжелых подъемов, в чудной компании и прекрасном расположении духа.

Через несколько развеселых сезонов, когда горнолыжный бум опал, прекрасные, абсолютно новые слаломные лыжи теперь, правда, уже с палками и креплениями, были обменяны автором на огромную лосиную шкуру, которая и по сей день украшает стену квартиры бывшего, теперь уже достаточно дряхлого, чудо- слаломиста.

Порой, в полумраке комнаты взглянешь с теплого дивана на лосиные седые волосья, дико и необузданно торчащие из этой шкуры в разные стороны, и перед глазами встает дивный заснеженный склон, дымок от костра, шкворчащие копченые колбаски, яркое солнышко и, гордо сверкающие в его лучах, красные лыжи, заботливо привязанные ласковой рукой к белоснежной березке нашей далекой и радостной, вечно горнолыжной и слаломной юности.

16 февраля 2000